

**"МЫ ХОДИМ ПО ТОЛСТОМУ ГУЛКОМУ ЛЬДУ
ЖИТЕЙСКОГО СМЫСЛА..."**

* * *

"Выдубецкий монастырь
спит у Киева в горсти"

Ольга Ильницкая

Выдубецкий монастырь
спит у Киева в горсти.
На четыре стороны —
горы, снег да вороны.
Стороною пятою —
река с перекатами
да скворечник хилый.
Господи, помилуй!

Выдубецкий монастырь
кому — пастырь, кому — стынь.
Путнику — постелька.
Пустельга — пустельга.
Крестный ход у проруби
протоптали голуби.
Вразной стрекочет
выводок сорочий.

Выдубецкий монастырь —
это постриг и посты,
клиросное пение,
сретенье, усупение.
Колокольный благовест
окропил капелью крест.
Эхо перелеском,
воробьиным всплеском.

Эхо глуше, глуше.
Разлетелись души.
Вспоминаем снова,
что вначале Слово.

Цып-цып-цып — основа
слова птицелова.

Выдубецкий монастырь.
Оттепель сегодня.
Спит у Киева в горсти.
Только длань — Господня.
В щепоть пальцы те свести, —
вот и преисподня.

21 февраля 2009 г.
Киев — Севилья

* * *

"Смысл от слов отлетает,
и стелется комнатой дым"

Ольга Ильницкая

Мы ходим по толстому гулкому льду
житейского смысла.
А кто ненароком пропал на ходу —
вовсеки и присно.

Но ходики тикали-тикали и
ходить перестали.
Споткнулся — глядят на меня, как мои,
глаза из проталин.

А может, рыбина, почуяв беду,
в меня поглядела.
Бессмысленный взгляд заморожен во льду.
Какое ей дело?!

Мы ходим по тонкому звонкому льду,
а бездна тается.
Словарный запас — как последний редут,
но слово слоится.

Но слово слезится, лишь только тепла
почует отраду.
И вот уже жизнь не туда потекла,
куда бы ей надо.

Еще подсыпает под ноги народ
резоны. Но мысли
словами слоятся, и вновь — ледоход.
И мир обесмыслен.

23 февраля 2009
Севилья

Вслед за Колумбом

Отправляемся вслед за Колумбом. Севильский швартов
уже знал о безумной, абсурдной округлости мира.
Вверх ногами Вест-Индия? К этому я не готов:
комментировать ересь, омытую водами Гвадалквивира.

Только что мои страхи, здесь правил Колумбов задор,
его ярость бессильная — вдруг и действительно будет.
И свершилось чудо, а следом донос, приговор.
Словом, все как обычно, на то они грешные люди.

Отправляемся вслед. Растопырил ключицы собор.
Короли-великаны несут под абсидами мощи.
Он лишь прах. Он безумец, несущий мечтательный вздор.
С ним — круглее земля, без него она проще и площе.

Отправляемся вслед. Над Севильей зарделся закат.
Мы плывем по течению, безумной округлости не замечая.
Закругляется жизнь, изгибается время. Назад?
И мы кормим Колумбовых, нет, доколумбовых чаек.

24 февраля 2009 г.
Севилья

Гранада

Оле Ильницкой

Если не знали любви, в сердце Гранады не суйтесь.
Злое молчанье земли сторожит под оливами супесь.
Страсти зеленый побег обращается черной маслиной.
Едкая горечь измен присыпана красною глиной.

Если не знали любви, бедное сердце прогоркло.
Злое молчанье земли сторожит под оливами Лорка.
Как уберечь от судьбы? Даже поэты не в силах.
Горьки оливы твои. Эй, Федерико Гарсия.

Злое молчанье земли сторожу вот и я под гранатом.
Красные зерна зари расщепляю за атомом атом.
Красные зерна зари падают в вешние струи.
Кровотечение земли пальчиком я нарисую.

Если не знали любви, тихо заплачет гитара.
Звонкие воды струит под Аль-Касабою Дарро.
Мерный гитарный прибор — горькое кардиосредство.
Это как к Богу домой,
это как мама и детство.

24-25 февраля 2009
Севиля — Гранада

Критерий

Это критерий:
из сонных артерий
петлями вяжем жилет.
Прошвою строчки.
Кровь — это точки.
Каждая строчка — сюжет.

Кроем и режем
только по свежим
ранам. И жалости нет.
Строф оболочка.
Букв оторочка.
Каждая строчка — сюжет.

Боль до оскала.
Судьба под лекало
вычертит чудный манжет.
Мысли — налётом.
Рукавчик — намётан.
Каждая строчка — сюжет.

Этот критерий
как пальцы под дверью.
Враз защемят, и не лги.
Душу обрушу.
Сердце наружу.
Если поверил —
беги!

А как примерка,
солнце померкло.
Вот и расчет настает.
Вырваны жилы.
Мы еще живы.
Каждая строчка — поет.

26 февраля 2009 г.
Мадрид

Передумал

Намедни я должен был помереть,
но передумал.
Представил: вино и поминки, родня
— такая тоска.
Уж лучше пожить...
пока все не помрут до меня.

28 февраля 2009 г.
Мадрид

Донна Лусия

Не сулила пощады
простым ротозеям
инсталляция ада
в севильском музее.

Потому что весь день,
исключая сиесту,
стерегла его донна
Лусия Селеста.

Изъяснялась Лусия
несколько странно:
"Из России? Россия
и прочие страны —
это вещи пустые,
в аду им не место,
а вот души простые
или даже Селеста
очень могут попасть,
хоть и в праздник пасхальный.
Ведь у Бога есть власть,
а грехи персональны.

Измерять, правда, сложно,
насколько вы грешны.
Шум и гам, неотложка,
родня безутешна..."

И прищуривши веки,
вдруг вздохнула Лусия:
"Бог всегда в человеке?
Очень больно в России?
Рай — безгрешным отрада.
Но страшней в этом мире
инсталляции ада
в каждой квартире".

И тогда потрясенно
мы у донны спросили:
"Вы, наверно, не донна,
вы Санта Лусия?".

И в аду, на ходу
услыхали ответ:
"Not yet!"*

27 февраля — 1 марта 2009 г.
Толедо — Мадрид

* "Not yet" — еще нет (англ.).